

— Из Апатит я вернулся в Ладушкин где-нибудь в середине или конце апреля, скорее всего к майским праздникам, а в конце мая мы с Иринкой полетели в Севастополь - наступало лето, мама просила привезти внучку погреть её крымским солнышком (это был первый из ставших потом регулярными Иринкин летний выезд в Крым), ждали возвращения папы из похода в Антарктиду на "Фаддее Беллинсгаузене", к его приходу я и старался поспеть с Иринкой. Встретив папу 29-го мая, я на следующий день улетел в Ленинград и в тот же вечер написал уже из общежития письмо Сашеньке. Вот оно.

30 мая 1968 г.

— Здравствуй, моя милая Сашуленька!

— Из Севастополя я послал тебе только телеграмму, а письмо пишу уже из Ленинграда, куда прилетел сегодня в шесть вечера.

— До Севастополя мы с Иринкой добрались вполне благополучно, я даже не ожидал от неё такого хорошего поведения. В самолёте мы захватили целых два места перед гардеробом (где обычно висят люльки для младенцев) и устроились лучше всех. Иринка набрала конфет у стюардессы и развлекалась ими всю дорогу. Правда, перед посадкой в Киеве её укачало, и она сникла. Сказала, что ей "плювать хочется". Я взял её на руки, и она уснула. Когда самолёт приземлился, я её разбудил, и мы пошли погулять. Свежий воздух привёл Иринку в хорошее настроение, и до Симферополя она прыгала в кресле и заигрывала с сидящими сзади пассажирами. Мы с ней даже и не заметили, как самолёт совершил посадку.

— Встречала нас бабуля. Она не знала, что расписание изменилось, и торчала в аэропорту уже пять часов. До Севастополя ехали в такси. В машине Иринка сдалась и сразу же уснула. Севастопольская квартира мне в общем понравилась, чистенькая, довольно удобная. Вот только воду дают через каждые три часа по часу. Иринка, когда её стали укладывать, вдруг захныкала: "А де мама", еле я её успокоил.

— От мамы я узнал, что папа приходит только 29-го. Ну что делать, не уезжать же перед его приходом. Ходили с Иринкой в аквариум, где нам обоим очень понравилось. На Иринку наибольшее впечатление произвели гигантская морская черепаха и морские львы. Море ей тоже очень понравилось, не утащить. Развлекалась киданием камушков. А я - вот позорник - даже не искупался, лень было. На балконе Иринка играет с удовольствием. В общем, я думаю, тут ей будет неплохо.

— Вчера встречали папу. Ждали корабль с 8 часов утра до 2-х дня - задержали таможенники, все истомились, одна наша доченька была в своей тарелке: прыгала, бегала, рвала цветочки. Были у папы на корабле. Каюта его мне понравилась - кабинет, маленькая спальня, ванная - тесновато, но удобно. Папа очень поправился за этот поход, если не сказать - растолстел. Привёз интересные фотографии, ну и, конечно, всякое барахло. Мне досталась куртка (вернее, спортивный пиджак, а вообще чёрт знает что такое), бутылка рому, банка уругвайского растворимого кофе (последнее и предпоследнее - нам, конечно), а тебе очень симпатичная розовая двойка (американская).

— Сегодня бабуля, дедуля и Иринка провожали меня на такси. Иринка ко мне почему-то очень привязалась за эти два дня и всё просилась "в Ленинград на самолёте". Согласилась остаться только ради черепахи.

— В Ленинграде сегодня на кафедру я не поехал, поздно уже было. Сходил в "Прибой", посмотрел польскую кинокомедию "Полный вперёд" с Цибульским. Так себе фильм, но смотреть можно. Цибульский хорошо играет.

— Ну, вот и все новости.

— Скучаю по тебе и Иринке. Очень.

— Я тебя люблю.

— Твой Саша.

— Папа привёз также уругвайские газеты с его фотографиями, сделанными во время официального приёма советских моряков уругвайскими властями. Папа на них отлично получился - бравый капитан, начальник экспедиции. В Уругвай и Чили они ходили заправляться, а в основном работали в проливе Дрейка, разделяющем Антарктиду и Южную Америку.

"Фаддей Беллинсгаузен"

Отец (с кубком) на празднике Нептуна при переходе через экватор

В проливе Дрейка

Отец с пингвином

— Из Ленинграда я собирался опять ехать в Апатиты, тянуло продолжать счёт, возникли новые идеи, задача расширялась, но ехать не пришлось - Б.Е. уходил в отпуск, да обычно на Севере и вообще никто почти летом не остаётся, двигают греться на юга, так что жизнь в ПГИ замирает, тем более что отпуска у всех большие. Вот письма мои Сашуле, написанные в этот период (июнь 1968 г.).

9 июня 1968 г.

— Здравствуй, моя милая!

— Спасибо тебе за скорый ответ. Как видишь, и я не задерживаюсь со своим. Ты просишь сообщить подробности моих планов. Хотя они (мои планы) и весьма расплывчаты, тем не менее.

— Во-первых и самое главное - к концу июня я постараюсь вырваться к тебе независимо от всех прочих обстоятельств. Я позавчера было едва удержался от того, чтобы плюнуть на всё и удрать к тебе. Но потом решил перетерпеть и не плевать.

— На июнь у меня два основных дела: 1) послать в печать (т.е. сперва доложить на кафедре) то, что я считал в апреле, и 2) просчитать несимметричный случай. Доложиться я надеюсь в среду (12-го), а считать поеду всё-таки в Апатиты. У Б.Е. семь пятниц на неделе, так что теперь он считает, что ехать можно. Даже ключ от своей квартиры отдал. Тут на днях он был в Москве и встретил Кузьмина (начальника над "Наири") и договорился с ним обо мне. Когда поеду, ещё не знаю точно. Пальто не нужно, возьму куртку (которую привёз папа) и пуловер.

— Дурацкая затея с конкурсом (на лучшую аспирантскую работу) сбила меня с толку. Нужно писать отдельную статью по моим работам, получить на неё отзыв-рекомендацию Пудовкина (уезжающего завтра на Север) и отдать работу до 20-го (Каган милостиво разрешил). Возиться с этим нет никакого желания, тем более что премия из этой возни автоматически не следует, а, с другой стороны, получить её было бы неплохо.

— Славка защитился блестяще, без сучка и задоринки. Писал ли я, что познакомился с его братом Вадимом, геологом (старше его на 12 лет)? Очень интеллигентный, умный и не в пример Славке скромный человек. Рядом с ним Славка выглядит задиристым щенком.

— Во время послезащитной выпивки я поближе познакомился с Ваньяном. Ко мне он как будто хорошо расположен, но внутренне я его побаиваюсь как наиболее компетентного ценителя недостатков моей работы.

___ Оптимистическое отношение Б.Е. к моей работе меня уже раздражает. Всё время кажется, что вот-вот я разоблачу себя в его глазах...

___ Настроение у меня не бодрое. Работается очень плохо, если не сказать - совсем не работается. Кафедра теперь и по субботам закрыта - пятидневка. А тут ещё невроз разыграл, так что я чуть не на стенку уже лез. До сих пор ещё не очухался.

___ А ты у меня единственное светлое пятнышко. Ценить я тебя умею только, когда ты далеко.

___ Приеду, всю зацелую.

___ До свидания, солнышко.

___ Твой Саша.

___ Защита кандидатской диссертации Славы Ляцкого прошла, действительно, блестяще. Помню короткое выступление члена Учёного совета Григория Ивановича Петрашени, читавшего в своё время нам матфизику. "Мне очень понравилась диссертация и очень понравился диссертант!" - темпераментно выпалил он и сел. Оппонентами у Славы были Леонид Львович Ваньян - молодой ещё, красноречивый доктор наук из ИФЗ и Александр Иванович Оль, старый друг-однокашник Б.Е., из ААНИИ, уже пожилой, косоглазый, в сильных очках, очень мягкий человек, он был рецензентом моей дипломной работы.

___ Вечером гуляли по Ленинграду, беседовали, как обычно, о литературе и о политике. Ваньян очень высоко ставил Солженицына, в чём они сходились со Славиком, а я спорил с ними. Кажется, была с нами Ирка Лизункова. Димуля Ивлиев наверняка был, возможно, Сева Орлов. Аллочка же Ляцкая оставалась на Севере с ребёнком - двухлетней дочкой Юлей.

___ Но я пропустил одно письмо Сашеньке, которое было написано как раз накануне Славиной защиты. Вот оно (без даты).

Здравствуй, моя лапонька!

Получил сегодня твоё письмо, а завтра ты уже будешь читать эти строчки (если Наташа не забудет взять утром моё письмо, сейчас она уже легла спать). Посылаю тебе двойку, которую привёз папа. Мне кажется, что на тебе она будет выглядеть нарядной, надеюсь, размер подойдёт (я выбрал самый маленький, папа привёз ещё сиреневые, но больших размеров). Я здесь тоже прибарахлился: купил сразу две пары брюк (польские), что сократило мои финансовые ресурсы на 44 рубля. Но не жалею - брюки хорошие (естественно, разные).

О моих делах. На Север, по-видимому, ехать не придется - Б.Е. не советует, так как его там не будет, он уходит в отпуск. Так что пальто не нужно. Возможно, буду считать здесь, но пока не ясно каким образом. В следующую среду как будто я смогу доложить на кафедре, но и это под вопросом, так как все в разъездах, нет кворума. У Славы завтра защита, а Аллочка на Севере с дитятей.

Посмотрел (по настоятельной рекомендации Славы) очень хороший фильм "В огне брода нет". Один из лучших советских фильмов за последние годы. Настоящий реализм.

Про футбольные провалы нашей сборной ты, наверное, слышала. А вот "Зенит" в Ленинграде выиграл 1:0 у киевского "Динамо", которое ещё никому не проигрывало в этом году. В Ленинграде жарко.

А в комнате у нас довольно чисто после ремонта - более или менее.

Скучаю я по тебе всё сильнее. Ты мой ангел. Хочется написать нежные слова, но слова грубее моих чувств. А как передать поцелуй? Хочется поцеловать тебя не крепко, а нежно.

Твой Саша.

P.S. А меня вчера вечером опять нечаянно закрыли на кафедре, и я снова ночевал на диване в кабинете Яновского. А Молочнов, говорят, спокойно защитился.

— Георгий Васильевич Молочнов после смерти Бориса Михайловича Яновского занял его место заведующего нашей кафедры физики Земли. Участник войны, орденосец, майор в отставке, геоэлектрик по специальности, кандидат наук, бессменный парторг кафедры при Яновском - Молочнов имел откровенно простонародную внешность без всяких признаков интеллигентности, был горячим патриотом кафедры (как, впрочем, и все её ветераны) и, в сущности, добрым, хотя, быть может, и ограниченным человеком (как мне тогда казалось). Лекции по геоэлектрике читал он плохо, и этого было достаточно, чтобы мы - студенты - его не любили. А между прочим, деталь - став завкафедрой, Молочнов не перебрался в кабинет Яновского, который так и пустовал до самого переезда всей кафедры в Петергоф.

— Научная его деятельность состояла в проведении измерений электрического тока в цепи электродов, втыкаемых в различные места Земли или огромных ванн с разными растворами, занимавших большую часть первого этажа ректорского флигеля (на меньшей теснилась кафедра теоретической физики). В 1967 году он представил докторскую диссертацию, которая рассматривалась на заседании нашей кафедры с приглашением радиофизиков и матфизиков. Его поддерживал профессор Семёнов, геофизик с геологического факультета. Он расхваливал разработки Молочнова, очень простые и широко используемые в геологической практике, на что с места вскочил горячий Петрашень, сложил из пальцев фигу, помахал ею над головой и воскликнул: "Конечно, можно и с помощью фиговины полезные результаты получать, но ведь речь идёт о том, можно ли за фиговину присуждать учёную степень доктора физико-математических наук?"

— Он и Глеб Иванович Макаров - заведующий кафедрой радиофизики, в будущем ректор ЛГУ (правда, ненадолго), зло трепали Молочнова, тыкали его в математические небрежности, ляпсусы, обвиняя его едва ли не в элементарной неграмотности. Молочнов, весь красный, чуть не плакал, вытирал пот, обещал всё исправить. Нам казалось, что после такого публичного позорища с этой диссертацией в университете нечего дальше соваться, и мы злорадствовали: так ему и надо, куда, мол, со свиным-то рылом в калашный ряд!

— Ан нет - через год Молочнов диссертацию защитил, на защите Макаров и Петрашень его не трогали, а ещё через год Молочнов стал директором НИФИ и продержался на этом посту несколько лет. Сейчас (1981 г.) он по-прежнему завкафедрой физики Земли, заместитель председателя специализированного учёного совета ЛГУ по защите докторских диссертаций по специальностям "геофизика" и "радиофизика", а председательствует в этом совете Глеб Иванович Макаров. Такова жизнь. Петрашень тоже член этого совета.

— 12 июня 1968 г.

Здравствуй, моя любимая Сашуленька!

Как всегда в таких случаях, я опростоволосился - сегодня стукнуло 4 года нашему брачному союзу, а я вспомнил об этом лишь поздно вечером, когда, вернувшись в общежитие, нашёл в своём ящичке для писем телеграммы от тебя и мамы. Ты, наверное, расстроилась от моей невнимательности. Но что со мной поделаешь?

Единственное смягчающее вину обстоятельство - это то, что я сегодня докладывался на кафедре, и, естественно, вчера и сегодня голова была забита работой. Ну, ты уже не сердись на меня? Ты ведь у меня добрая, прости меня, идиота. О тебе я здесь думаю больше, чем о чём-либо другом. На Север ехать неохота, хочу к тебе.

Я всё ещё нахожусь в состоянии ипохондрии. Развеселило меня, правда, твоё описание рыбной ловли. Будем теперь вместе рыбу ловить? На Север я поеду, наверное, в воскресенье, так что пиши до востребования в Апатиты. Надеюсь пробыть там не больше недели, в крайнем случае, десяти дней.

—Лапонька, мне без тебя здесь плохо. Ты самый нужный мне человек. Сейчас я это очень чувствую. Раскис, и сил нет собраться. Но постараюсь. Как там наша доченька? Я её очень люблю и скучаю по ней тоже.

—Что-то грустное письмо получается, надо его кончать. До свидания, моя любимая. Целую тебя нежнейше.

—Твой Саша.

[\(продолжение следует\)](#)